

Религія на войнѣ.

По впечатлѣніямъ.

Судьба послала меня на войну, и, живя уже второй годъ среди военныхъ, я не могъ, конечно, не выскатъ въ жизнь этой новой для меня среды во всѣхъ ея проявленіяхъ. О многомъ теперь еще не своевременно говорить,—придется отложить до будущаго, можетъ быть, даже отдаленнаго будущаго: вѣдь если ужъ говорить, то говорить настоящую правду, безъ прикрасъ, безъ недомолвокъ.

Весьма интересовало меня проявленіе религіознаго чувства на войнѣ, удовлетвореніе религіозныхъ потребностей среди солдатъ и въ офицерскомъ составѣ.

Религіозенъ ли нашъ солдатъ, нашъ офицеръ? Въ подавляющемъ большинствѣ наше войско—православное; говорить, слѣдовательно, будемъ главнымъ образомъ о культѣ православномъ.

Армія, да еще такая небывало-гигантская армія, какая призвана теперь на фронтъ, есть, конечно, какъ бы самъ народъ, часть народа; поэтому, можетъ быть, излишне трудиться надъ вопросомъ объ ея религіозности, достаточно перенести готовые выводы на этотъ счетъ отъ цѣлаго къ части? Но, во-первыхъ, существуютъ ли и относительно цѣлаго народа выводы непреложные для всѣхъ его частей? Вѣдь столкнулись же именно въ этой области мнѣнія о русскомъ народѣ такихъ сильныхъ и правдолюбивыхъ людей, какъ Гоголь и Бѣлинскій, а вѣдь это было три четверти столѣтія назадъ, въ эпоху болѣе цѣльныхъ, не усложненныхъ переживаній народной массы, когда все было такъ примитивно и монолитно. А, во-вторыхъ, и тезисъ: армія—часть народа, подлежитъ все же ограниченію. Да, это часть народа, но часть квалифицированная—по возрасту и по полу. Народъ можетъ по справедливости слить очень религіознымъ; но главные устои вѣры могутъ обрѣтаться въ старшемъ поколѣніи его или въ женской его половинѣ, какъ это утверждаютъ о нѣкоторыхъ католическихъ странахъ. Было бы довольно легкомысленно судить о благочестіи того или другаго народа, напримѣръ, по его сту-

денческому контингенту. Молодежь—вездѣ молодежь, а въ частности современная далеко не всегда блюдетъ нравы отцовъ.

Я не беру на себя, впрочемъ, вообще никакихъ претензій рѣшать что-либо ни о народѣ, ни о войскахъ въ цѣломъ,—для этого у меня не было достаточно широкаго поля наблюденія: я самъ былъ все время связанъ съ одной опредѣленной частью, и рѣчь можетъ лишь идти объ ограниченномъ кругѣ личныхъ впечатлѣній, на первый взглядъ даже довольно противорѣчивыхъ.

I.

Помню, это было еще въ началѣ войны. Послѣ долгихъ тяжелыхъ переходовъ намъ выпалъ роздыхъ подъ г. А. Въ городѣ и прилежащемъ къ нему дивномъ сосновомъ лѣсу было биткомъ набито всякихъ воинскихъ частей. Стояли теплые солнечные дни; улицы представляли собою муравейникъ; все двигалось, галдѣло, какъ на ярмаркѣ; торговали еще лавки, изъ немногихъ хлѣбопекаренъ съ бою брались булки и калачи... Въ центрѣ городка среди площади—небольшой православный храмъ; двери открыты: служили обѣдню по случаю памяти усѣкновенія главы Іоанна Крестителя 29 августа. Съ какимъ-то особымъ ощущеніемъ вошелъ я въ церковь—въ первый разъ на театрѣ войны, въ такое тяжелое время. Служилъ священникъ съ дьякономъ, пѣлъ какой-то скромный хоръ пѣвчихъ. Было что-то неуволимо-грустное въ этомъ богослуженіи: точно отражалась на немъ злополучная судьба этого города и этого храма, нѣсколько разъ переходившаго изъ рукъ въ руки. Сегодня мы еще здѣсь молимся съ вами, казалось, говорили между молитвенныхъ словъ священнослужители, а завтра—какъ Богъ дастъ! Грустны были и серьезны и фигуры молящихся—исключительно почти военныхъ (въ А. нѣтъ кореннаго православнаго населенія). Но что меня удивило, такъ это малочисленность ихъ; церковь едва ли была заполнена на треть своей небольшой вмѣстимости. Я выросъ въ русскомъ селѣ и хорошо знаю, что „Иванъ-постный“—большой народный, хотя и траурный, праздникъ, почитаемый почти наравнѣ съ двенадцатыми; во всякомъ случаѣ, больше простого воскресенья. И, можетъ быть, молитва предъ усѣкновеннымъ отъ меча великимъ праведникомъ особенно подходила къ моменту...

Но фактъ остается фактомъ: площадь и улицы полны военнымъ людомъ, а въ храмѣ свободно. Зато могу удостовѣрить, что тѣ, кто былъ, молились усердно: для нихъ это было не формальное привычное посѣщеніе церкви. Какая-то особенная молитвенная покорность видѣлась въ наклоненіи этихъ коротко-стриженныхъ солдатскихъ русскихъ головъ; иные молились на колѣняхъ... Гдѣ они теперь, эти тогдашніе богомоль-

цы, и сколько этих милыхъ сѣрыхъ стриженныхъ головъ уцѣлѣло отъ нѣмецкихъ гранатъ?...

Помню другой моментъ. Мы пришли въ деревню днемъ, а утромъ, въ 6 часовъ, назначено было выступленіе. Было извѣстно, что мы накануне боя, перваго еще для нашей части боя. Генераль, подъ командой котораго мы шли, остановился у мѣстнаго священника, въ этой деревнѣ была тоже православная церковка, совсѣмъ крошечная. Священникъ по усердію своему и, можетъ быть, желая сдѣлать пріятное своему гостю, предложилъ совершить раннюю литургію, такую раннюю, чтобы она за часъ до похода была уже закончена. Предложеніе было съ благодарностью принято и чрезъ командировъ оглашено по стоявшимъ въ деревнѣ и вокругъ нея частямъ.

Меня привлекала необычайность такого ночного богослуженія, я заставилъ себя подняться съ своей походной кровати часа въ 4, когда еще было совершенно темно, и при свѣтѣ электрическаго фонарика по густой грязи почти наугадъ пробрался на площадь къ церкви. Священникъ старательно, безъ помощи дьякона, съ однимъ псаломщикомъ отслужилъ обѣдню, потомъ напутственный молебенъ въ своей уютной первушкѣ, освѣщенной мерцающимъ мистическимъ свѣтомъ восковыхъ свѣчей, столь немногихъ что въ заднихъ углахъ ея было совсѣмъ почти темно, и сталъ подпускать къ кресту. Недологъ былъ—увы!—этотъ послѣдній трудъ деревенскаго батюшки: подошелъ поцѣловать св. крестъ генераль, подошелъ его адъютантъ, который не могъ не быть тамъ, гдѣ присутствуетъ его превосходительство, подошелъ одинъ полковникъ, человекъ не только религіозный, но даже суевѣрный, боящійся трехъ свѣчей и тринадцатаго числа, подошелъ еще штабъ-офицеръ, формально вѣрующій и даже у себя дома бывший церковнымъ старостой, но въ жизни ничѣмъ не проявляющій богобоязненности и даже „совсѣмъ напротивъ“, подошло еще двое-трое офицеровъ и буквально не болѣе десятка солдатиковъ...

Конечно, часъ богослуженія былъ слишкомъ необычный; конечно, солдату надо дать отдыхъ между двумя нелегкими переходами, и нельзя требовать, чтобы человекъ средней религіозности, если такъ можно выразиться, принудилъ себя подняться на два часа раньше, простоять эти два часа на ногахъ, а затѣмъ пѣшему итти, можетъ быть, верстъ 20; но вѣдь сила религіознаго чувства, его напряженность не считается съ житейскими удобствами, она именно и заключается въ подъемѣ, въ бореніи духа съ плотью, въ жертвенномъ экстазѣ. И вѣдь это было накануне перваго боя.

Да не подумаетъ никто, что въ моихъ словахъ сокрыта хоть тѣнь осужденія нашимъ воинамъ. И Христовы воины, ближайшіе къ Иисусу апостолы Петръ, Іаковъ и Іоаннъ, не могли побороть сна въ саду Гее-

симанскомъ, когда ихъ Учителю въ ту же ночь предстояло быть взятымъ на страданія и смерть... Здѣсь не осужденіе, а только повѣствованіе дѣйствительности.

II.

Но передо мною проходили и другія картины.

Въ каждой части есть свой годовоіи праздникъ, если даже и не имѣется своей особой церкви и своего священника. Нашъ праздникъ приходится глубокой осенью. Часть только что пережила самые трудные боевые дни и, усталая, изнуренная походами, остановилась бивуакомъ возлѣ польской деревушки. Начальство думало, чѣмъ бы ознаменовать праздникъ, въ мирное время проводимый съ подобающей торжественностью и даже довольно шумно, но придумать что-нибудь было дѣйствительно трудно: мы стояли въ глуши и благодарили Бога, если былъ обыкновенный черный хлѣбъ и положенный горячій приварокъ: города далеко, да и въ нихъ тогда уже нельзя почти ничего было достать. Единственно возможное при такихъ условіяхъ невещественное ознаменованіе—молебеніе, парадъ. Но и это не совсѣмъ легко было устроить при той невылазной грязи, какая окружала всю деревню. Все-таки выбрали полянку посуше, выстроили нижнихъ чиновъ буквою „п“, въ центрѣ поставили столикъ, приглашенный изъ сосѣдняго полка священникъ накрылъ его парчевой скатертью, поставилъ образокъ въ рамѣ, положилъ Евангеліе, крестъ, затеплил свѣчку, облачился самъ. Отдѣльной группой стали офицеры. Начался молебенъ.

Никто бы со стороны не сказалъ, что тутъ люди справляютъ свой годовоіи праздникъ: такъ потертъ и потрепанъ былъ видъ у всѣхъ, и столько наворочено было густой грязи у каждаго на сапогахъ; амуниція по-обносилась, головные уборы не одинаковаго образца. И лица у всѣхъ сѣрыя и суровыя, ничего праздничнаго въ ихъ чертахъ...

Священникъ служилъ хорошо, тепло. Это былъ не заурядный полковоіи батюшка, компанейскій человекъ въ закуской и картежной компаніи, а дѣйствительно человекъ христіанскаго подвига. Офицерство въ мирное время его очень недолюбливало: онъ держался какъ-то нервно, порою задирчиво, вмѣшивался, куда его не просили, находилъ, что не слѣдуетъ устраивать танцевальныхъ вечеровъ по субботамъ, хотя канунъ праздника для офицеровъ самое свободное время—не надо завтра рано вставать,—воевалъ противъ алкоголизма... „Съ нимъ вѣчно бывали какія-нибудь неприятныя исторіи, — рассказывалъ мнѣ одинъ добродушнѣйшій капитанъ того полка, — и мы ужъ думали, неужели намъ и на войну придется брать этого несноснаго батьку? Но, представьте, — продолжалъ капитанъ, — на войнѣ онъ сразу точно переродился: какалто примиренность въ немъ теперь, ни къ кому не придирается, охотно

участвуетъ въ нашихъ бесѣдахъ и даже не отказывается отъ коньяку, хотя только чуть пригубить. Мы всё его страшно полюбили, а ужъ о солдатахъ и говорить нечего: молились бы на него, да ужъ больно онъ свой человѣкъ, простой. Вы ужъ знаете, конечно, что онъ во всѣхъ бояхъ идетъ на поле сраженія—не только причащать раненыхъ, но и подбирать ихъ, перевязывать и уносить вмѣстѣ съ санитарями. Удивительно долго хранила его судьба, но вотъ раненъ—таки и два раза даже, хотя, слава Богу, не опасно. Въ первый разъ онъ стоялъ, наклонившись надъ тяжело раненымъ, и вдругъ почувствовалъ боль, упалъ, думали, что кости бедра переломаны, но нѣтъ ничего, всталъ и не только добрался самъ до перевязочнаго пункта, но еще успѣлъ до этого причастить одного. Когда припелся къ пункту, держась рукою ниже спины, солдаты, бывшіе тамъ, переполошились:

— Батюшка, что съ вами? Вы ранены?

— Раненъ, братцы, раненъ...

— Куда ранены-то?

— А вотъ куда, братцы, вотъ куда.

Солдаты, несмотря на искреннее соболѣзнованіе, не могли удержаться отъ смѣха: больно ужъ просто, по-русски назвалъ онъ свою раненую часть тѣла (пуля пробила ему навывелеть обѣ ягодицы)..."

Вылѣчившись отъ этой раны, онъ снова принялся за свое дѣло и второй разъ былъ раненъ въ лобъ, но пуля какъ-то счастливо для него скользнула, а то ударъ былъ бы, конечно, смертельнымъ. И теперь еще служить на поляхъ брани этотъ воистину пастырь добрый,—душу свою полагающій за овцы.

Вотъ онъ-то и правилъ молебень у насъ на праздникѣ. Въ зеленой ризѣ на всегдашнемъ его верблюжемъ подрясникѣ, подпоясанномъ кожанымъ поясомъ,—вспоминается евангельское описаніе одежды Предтечи: поясъ кожаный поверхъ верблюжьей шкуры,—и черная шапочка-скуфейка на головѣ, изъ-подъ которой выбивались мочального цвѣта пряди волосъ; такая же желтоватая борода и удивительно стильный, даже красивый профиль лица. Обратившись къ выстроеннымъ рядамъ, онъ сперва говорилъ поученіе. Праздникъ былъ „богородичный“, и онъ, связывая его съ войною, вспоминаетъ извѣстный историческій эпизодъ изъ борьбы Руси съ татарами, когда принесена была изъ Москвы къ полямъ сраженія чудотворная икона Божіей Матери. Рѣчь простая, нелитературная; даже вмѣсто „Тохтамышъ“ слышится „Тохматышъ“, и это не случайная оговорка, потому что ошибка въ имени повторяется нѣсколько разъ, но важно ли это? И не рѣчь тутъ важна и убѣдительна, убѣдительно самъ говорившій, самъ этотъ „Тохматышъ“, какъ я про себя его окрестилъ.

Не легко угадать степень религіознаго усердія, когда солдатъ даже

и молится въ строю, по наряду, но можно было всетаки замѣтить, что между незатѣйливымъ ораторомъ и слушателями есть какія-то незримыя нити, связывавшія ихъ въ одно цѣлое, хотя священникъ и былъ чужой, чужого полка. И потомъ за молебномъ солдаты молились и стоя, и „преклоньша колѣпа“ на сырую землю, чтобы не сказать— прямо въ грязь...

Но особенный порывъ, особое какое-то дуновеніе сердечнаго, не официальнаго, не строевого благочестія прошло по всей командѣ, когда священникъ, принявъ отъ нашего писаря бумажку, сталъ поминать за эктенеію рабовъ Божіихъ новопреставленныхъ воиновъ Алексія, Евѳимія, Андрея... на брани животъ свой положившихъ... Это былъ списокъ первыхъ нашихъ убитыхъ, которые были еще на-дняхъ среди товарищей, шутили, обѣдали вмѣстѣ, закуривали отъ одного огонька.

„...Вчерашній бо день бесѣдовахъ съ вами. И внезапно найде на мя страшный часъ смертный...“

Всѣ въ рядахъ вдругъ закрестились часто-часто; по застывшимъ лицамъ пробѣжало что-то теплое, трогательно-братское. Если бы смерть за родину не была сама по себѣ святою, казалось, одного этого движенія простыхъ лицъ и сердецъ было довольно для того, чтобы Петръ-апостолъ трепетной десницей тотчасъ же отомкнулъ райскія двери предъ новопреставленными и Господь Богъ отпустилъ имъ всякія прегрѣшенія, вольныя и невольныя.

III.

Никогда не забуду я и еще одной картины, потрясшей меня буквально до слезъ. Въ центрѣ ея былъ опять тотъ же самый священникъ, тотъ же милый „Тохматышъ“. Но онъ былъ теперь верхомъ на конѣ, точно Пересвѣтъ или Ослябя, только вмѣсто меча держалъ поблескивающій золоченый крестъ въ рукѣ. Позади него на лошади же верхомъ стоялъ его дьячокъ-солдатъ. Это было возлѣ деревни, изъ которой полкъ, рота за ротой, выступалъ на позиціи, въ окопы, гдѣ завязывался страшный бой. Каждую роту священникъ встрѣчалъ широкимъ осѣненіемъ креста и пропускалъ мимо себя, крестя все время, пока она проходила, потомъ засовывалъ крестъ за пазуху своего верблужьяго подрясника и ждалъ слѣдующей роты. Черезъ нѣсколько минутъ подоспѣвала другая рота, священникъ доставалъ изъ-за пазухи крестъ и встрѣчалъ новыхъ солдатъ тѣмъ же. Далѣе, чрезъ интервалы, шла слѣдующая рота, за нею еще и еще слѣдующая. Попъ неустанно благословлялъ, что-то отрывочно говорилъ, выкрикивалъ шедшимъ, солдаты на-ходу быстро снимали шапки, быстро бросали взглядъ на св. крестъ, на батюшку и быстро крестились... О, здѣсь уже можно было

смѣло поручиться, что это не былъ только обрядовый жестъ! Завтра, можетъ быть, еще сегодня къ вечеру, предстояло принять смертельный бой съ безпощаднымъ противникомъ, и крестное благословеніе тутъ казалось единственнымъ, съ чѣмъ связана еще надежда. Издали я не столько видѣлъ, сколько угадывалъ выраженіе этихъ кроткихъ, покорныхъ и любящихъ глазъ, на нѣсколько секундъ обращенныхъ ко кресту и къ скорбному, но ободряющему лицу любимаго пастыря.

Но что это? Одинъ солдатъ оторвался отъ шеренги, подбѣжалъ мгновенно къ ступени священника и протянулся весь вверхъ; священникъ такъ же поспѣшно, угадавъ его движеніе, подалъ ему крестъ для поцѣлуя, и тотъ, приложившись къ нему, стремглавъ бросился снова на свое мѣсто. Немного спустя изъ слѣдующихъ рядовъ выскочилъ другой и также бросился въ сторону къ священнику. Черезъ минуту третій, четвертый, наконецъ, экстазъ передается на десятки, на всѣхъ. Крестоноснаго всадника облѣпляетъ кучка, потомъ толпа, и онъ едва успѣваетъ давать каждому поцѣловать крестъ. Издали казалось, точно эти спѣшащіе люди тянулись не только къ кресту, но и къ рукѣ, къ поламъ его одежды... Не всѣмъ удавалось сдѣлать то, что они хотѣли, такъ проворно, какъ это вышло у перваго, у втораго: одинъ уронилъ въ суетѣ шапку, у другаго разсыпалось что-то по землѣ, видимо, изъ сумки, и онъ, нагнувшись, подбираетъ оброненныя вещи, рискуя быть сшибленнымъ все подбѣгавшими новыми людьми. Не легко было, не нарушая въ конецъ марша, продѣлать все это въ толпѣ и занять опять свое мѣсто въ строю,—порядокъ, конечно, немного страдалъ,—но какой это былъ даже вчужѣ захватывающій моментъ! Пожилой, съ выдержанными нервами мужчина, я стоялъ, прислонясь къ забору ближайшей хаты, и рыданья, непреоборимыя рыданья душили мнѣ горло!... Вотъ это—настоящій, не театралный, не оперный пафосъ, пафосъ жизни, на который, пожалуй, трудно сочинить музыку, сидя въ кабинетѣ!

IV.

Но и музыка связана съ однимъ торжественнымъ моментомъ въ моихъ воспоминаніяхъ. Это было послѣ упорнаго лѣснаго боя. Высокія сосны во многихъ мѣстахъ были расщеплены, въ другихъ пронзаны пулями, ободраны гранатными осколками; въ красномъ лѣсномъ озерѣ, на высокомъ берегу котораго лѣпилась польская деревушка, уснула вся рыба,—такъ силенъ былъ грохотъ орудій, продолжавшійся цѣлый день; по дорогѣ тянулись въ тыловые пункты раненые—въ одиночку, попарно, группами—съ забинтованными головами, руками, иногда даже ногами; тяжело раненыхъ везли на обывательскихъ телѣгахъ. Ближайшія придорожныя деревни были къ ночи переполнены ранеными.

размѣщенными и въ летучихъ лазаретахъ, и просто по хатамъ. Въ хатѣ, гдѣ я ночевалъ эту ночь, было 18 человекъ раненыхъ на полу, на соломѣ, и меня, тогда еще повичка на войнѣ, поразило, что никто изъ нихъ не жаловался на боль, не охалъ, не стоналъ; одинъ только чуть слышно иногда какъ-то будто кряхтѣлъ, видимо, сдерживаясь и стыдясь своей слабости, но совершенно уже не въ силахъ будучи преодолѣть адской боли. Рано утромъ я вышелъ со двора и тутъ же черезъ улицу на пустырь увидѣлъ могилу, возлѣ которой прямо на землѣ лежалъ бокомъ, скрючившись, трупъ, накрытый солдатской старой и грязной шинелишкой. Грустенъ и жалокъ былъ его видъ: худое, темное, морщинистое лицо, бритыя когда-то щеки, неподвижно торчащія жесткіе, мертвые усы какого-то бураго цвѣта и эта смиренно свернувшаяся фигура, точно и на землѣ-то онъ стѣснялся занять много мѣста и прикорнулъ тутъ скромно, на краю ямы. Но яма была просторная, большая, такъ что я подивился даже тогда усердію товарищей-могильщиковъ.

Отлучившись куда-то, я черезъ полчаса снова подошелъ къ этому мѣсту. Какъ и въ первый разъ, тутъ стояло человекъ три-четыре солдатиковъ, но покойника уже не было. Я заглянулъ въ глубину могилы: онъ лежалъ тамъ, немного расправленный, навзничъ, прикрытый уже съ головою, но почему-то не посрединѣ, а подъ самой стѣнкой.

— Почему же его не закапываютъ, — спросилъ я у стоявшихъ, — батюшку, что ли, ожидаютъ?

— Нѣтъ, ваше скородіе, священника-то тутъ нѣту, а ждемъ другихъ, могилка-то не на одного вырыта.

— А... стало быть, есть еще умершіе отъ ранъ?

— Никакъ нѣтъ, покамѣстъ нѣту, но, между прочимъ, навѣрно будутъ, многіе маятся по деревнѣ-то.

Я понималъ... Такъ вотъ она—грань между жизнью и смертью: онъ, мертвый, уже окоченѣвшій, лежитъ у стѣнъ ямы, а они тамъ—еще живые, можетъ быть, въ полномъ сознаниі, но раскрытая сѣрая яма и ея первый жилецъ уже настойчиво ждуть ихъ. Вы еще на теплой соломѣ или на лазаретномъ матрацѣ, согрѣтомъ теплотою вашего живого тѣла, но холодное ложе на днѣ могилы уже готово для васъ, и сосѣдъ вашъ, недвижимый, васъ ожидаетъ...

Фигура и лицо этого отстрадавшего страдальца надолго врѣзались въ мою память, и каждый разъ, когда я размышлялъ послѣ объ европейскомъ катаклизмѣ, я вспоминалъ и эту незарытую яму и на краю ея смиренно, въ униженіи лежащее тѣло невѣдомаго бѣднаго сына народа, оторваннаго отъ сохи, отъ дома, отъ семьи и на далекой, чужой сторонѣ „безъ церковнаго пѣнья, безъ ладана“, даже безъ гроба, а просто на сырой землицѣ ожидающаго, когда его вмѣстѣ съ такими же бѣдняками забросаютъ комьями глины и грязи...

Скоро насъ потребовали впередъ, ближе къ позиціямъ, и мы стали на дорогѣ въ лѣсу въ ожиданіи дальнѣйшихъ распоряженій. Былъ солнечный, хотя и прохладный осенній день. Я слѣзъ съ лошади и переминался на мѣстѣ, иногда подходя къ той или другой группѣ нашихъ солдатъ. Томительная неопредѣленность. Томительное ожиданіе.

Вдругъ—не греза ли это?—музыка... Величавые торжественные звуки доносятся откуда-то изъ лѣсу. Оркестръ. „Коль славенъ“. Не понимая еще, въ чемъ дѣло, я сорвался съ мѣста, пошелъ, почти побѣжалъ по направленію раздававшихся звуковъ, боялся, что они смолкнутъ, какъ я дойду. Но они не умолкали и становились все красивѣе, все полнѣе по мѣрѣ моего приближенія. И вотъ, наконецъ, среди высокаго лѣса возлѣ дороги видны люди: солдаты въ строю, музыканты, а впереди что-то дѣлаютъ, какая-то идетъ работа. Оказалось, что тутъ закапывали большую братскую могилу въ 60 человекъ убитыхъ наканунѣ нашихъ воиновъ. Рядомъ была другая, уже засыпанная такая же могила, а подале, въ сторонѣ, третья, гдѣ зарыты германскіе убитые; на обѣихъ водружены были деревянные кресты.

Оркестръ все время съ небольшими лишь паузами игралъ медленнымъ темпомъ все ту же грустно-торжественную пѣсню, если можно тутъ употребить неподходящее слово „игра“. Кучкой сбоку стояло начальство: генераль, полковники, офицеры, съ серьезными лицами. Надъ могилой толпились солдаты; тѣ, на кого хватало лопатъ, торопливо загребали песчаный грунтъ и забрасывали широкую яму...

А это кто? Никакъ и онъ среди нихъ—Лихольтовъ, нашъ ветеринарный фельдшеръ?... Да какъ махаетъ лопатой, какую полновѣсную пирамидку забираетъ на нее! Лицо въ поту, ноги чуть не по колѣни въ песокъ ушли отъ упора... Какъ онъ попалъ сюда? Потребовать его по наряду не могли, вѣдь онъ квалифицированный чинъ. Да и хоронять не нашей части людей... Эхъ, какъ старается-то!—не вѣрилъ я своимъ глазамъ, глядя на сухопарую высокую фигуру фельдшера, всегда немножко лодыря, съ сладковатой, будто фальшивой рѣчью. Въ другое время и отъ прямого своего дѣла не дуракъ отвильнуть, а тутъ-то какъ усердствуетъ! Прямо сквозь сердце пронзилъ меня тогда этотъ малый: стало быть, душа есть, стало быть, крѣпко ощущеніе чего-то общаго, братскаго, возвышающаго!

И не это ли и есть настоящее религиозное настроеніе, настоящая религія? Не въ томъ ли она, чтобы вотъ такъ покорно, безъ стона страдать не за свое личное дѣло, какъ страдали тѣ мои сосѣди-раненные въ хатѣ, такъ умереть, какъ умеръ тотъ—съ бурными усами, прикорнувшій на краю могилы, надъ которымъ не носились торжественные звуки военного хора, не покадилъ священникъ, возгласивъ вѣчную память, не стояли въ строю товарищи, или вотъ такъ добровольно, по

зову сердца прійти, взяться за лопату и любовно, съ усердіемъ устроить послѣднее жилище своимъ невѣдомымъ погибшимъ братьямъ?

Можетъ быть, много такого Лихолѣтова въ церковь, какъ говоритъся, и палкой не загонишь, а тутъ вотъ самъ прибѣжалъ и въ потѣ лица работаетъ и для души работаетъ. Вотъ и разрѣшайте вопросъ о религіозности русскаго солдата!

Подъ величавые аккорды „Коль славень“, выровнялась большая братская могила, и какъ аккуратно, какъ тщательно вывели надъ нею правильный четырехугольный песчаный холмъ! Водрузили товарищескія руки сосновый крестъ съ надписью, сплели простые изъ древесныхъ вѣтвей вѣнки, одни повѣсили на крестъ, другіе возложили поверхъ холма.

Этотъ упорный двухдневный лѣсной бой и это необычное погребеніе павшихъ въ мощномъ лѣсу, среди гигантскихъ сосенъ и елей, подъ звуки мѣдныхъ трубъ воскрешали въ воображеніи какую-то сагу, какую-то битву титановъ, что-то вагнеровское, смягченное лишь въ финальномъ актѣ настолько, насколько торжественно-піэтическая музыка нашего похороннаго гимна мягче стихійно потрясающихъ громовъ погребальнаго марша „Гибели боговъ“...

V.

Я не предлагаю никакихъ готовыхъ своихъ выводовъ относительно религіозности нашихъ солдатъ, нашего войска. Моею цѣлью было просто и правдиво передать нѣсколько запечатлѣвшихся глубоко въ моей памяти живыхъ сценъ. Это—только „матеріалъ къ вопросу“.

Да вѣдь и вопросъ о сущности религій и объ истинной религіозности въ наше время трактуется далеко не одинаково.

Предостерегалъ бы я только отъ традиціоннаго казеннаго приписыванія нашему массовому солдату того елейнаго благочестія, по чину котораго обязательно полагается, что онъ ничего не начнетъ безъ молитвы, безъ упоминанія имени Божьяго, безъ крестнаго знаменія, что онъ любитъ душеспасительныя бесѣды, въ сумкѣ носить образокъ—благословеніе родительское, никогда не забываетъ помолиться утромъ и на сонъ грядущій и т. д., дѣлаетъ все, что требуется ортодоксальнымъ ритуаломъ. Не всегда это такъ, да и „не всякій, говорящій Миѣ: Господи! Господи! увидетъ въ царствіе небесное!“

Въ нашемъ солдатѣ много отъ Платона Каратаева, есть и отъ Митрича изъ „Власти тьмы“ и очень много уже совершенно новыхъ чертъ, выработанныхъ позднѣйшимъ временемъ.

Но что сказать объ офицерскомъ составѣ? Кругъ моихъ наблюденій не широкъ сравнительно, но я вынужденъ откровенно признаться, что

искать въ этой средѣ проблесковъ религіознаго мышленія или настроенія—задача не легкая.

Повторяю: въ моемъ распоряженіи только личныя наблюденія въ кругу, какой былъ мнѣ доступенъ.

Однажды мы стояли въ галиційской деревнѣ, гдѣ сохранилась старенькая-престаренькая деревянная церковка, до такой степени стильная и оригинальная, что мнѣ потомъ пришлось даже снимокъ съ нея встрѣтить въ одной книгѣ, посвященной Галиціи. Нельзя было достаточно налюбоваться этимъ чуднымъ памятникомъ старины—и снаружи, и во внутренности его. Весь изъ тяжелыхъ дубовыхъ брусевъ, покрытый драбью (деревянными дощечками), обсыпавшеюся во многихъ мѣстахъ и расцвѣченною бархатистымъ мхомъ, съ типичнымъ для того вѣка увѣнчаніемъ тремя пирамидальными главками, съ какими-то наивными галлерейками, храмикъ этотъ такъ и просился цѣликомъ въ какой-нибудь музей исторической архитектуры. Отдѣльно стоящая звонница не менѣ замѣчательна. Внутренность этого храма-крошки, хотя и подновленная мѣстами, хранила тоже преинтересный общій ансамбль. Мѣсто для иконостаса такъ тѣсно, что для того, чтобы вырѣзать хоть одну—вмѣсто обычныхъ двухъ—боковую дверь, пришлось царскія двери устроить не въ центрѣ, а сдвинуть въ противоположную сторону, отъ чего получалась невиданная мною никогда асимметрія всего иконостаса, и это придавало такой наивный видъ всему *interieur*'у. И что это были за царскія „врата“—въ нихъ съ трудомъ можно было пройти, не оборачиваясь бокомъ! Въ алтарикѣ тѣснился маленькій престолъ и треугольный жертвенничекъ. Все такъ миниатюрно, утло и ветхо, но все еще обвѣяно духомъ жизни, ибо храмъ еще существуетъ какъ храмъ, въ немъ еще совершаютъ службы, молятся, и какъ должно быть хорошо тутъ молиться, какое особое настроеніе должно охватывать сельчанина въ этой старинѣ, гдѣ крестили, вѣнчали, отпѣвали столько поколѣній его предковъ! Въ оградѣ уже приготовленъ кирпичъ для постройки новой церкви, война только задержала, но жители не желаютъ сносить старой и выбрали для новой другое мѣсто.

Какую поэтическую, душу возвышающую картину представляли въ тихіе майскіе вечера группы дѣвочекъ, собирающихся подъ звонъ мелодическаго колокольчика у дверей замкнутой церкви на молитву и сивосыхъ стариковъ въ старинныхъ бѣлыхъ жупанахъ, расшитыхъ краснымъ, припавшихъ на колѣни у наружныхъ стѣнъ алтаря и застывавшихъ въ этой позѣ, прислоняясь иногда головою или правой рукой къ дубовому брусу, еще болѣе старому, чѣмъ ихъ старая морщинистая темная кожа. Въ этой именно общей гармоніи и храма и людей, къ нему притекающихъ, заключалось какое-то особое тихое обаяніе.

Конечно, я не преминулъ подѣлиться впечатлѣніями съ офицерствомъ

своей части. Приходили. Посмотрѣли. Отчего не посмотрѣть? Внутри заглядывалъ мало кто. Двое любителей сфотографировали, какъ фотографируютъ все, что попало, что привлекло вниманіе: усадьбу, хату, конюшню. Одинъ усадилъ при этомъ подъ звонницей двухъ офицеровъ и меня, и мы въ нашихъ прозаическихъ гимнастеркахъ и фуражкахъ съ кокардами—ни къ селу, ни къ городу—увѣковѣчили въ сѣнью стариннаго стильнаго сооруженія. Заѣзжалъ какъ-то изъ сосѣдней части офицеръ-художникъ, этотъ, конечно, лучше оцѣнилъ красоту храма, зарисовалъ его, но внутрь, кажется, тоже не заглянулъ, и вообще интересъ проявилъ чисто-эстетическій, а не религіозной и даже не культурно-исторической.

Я ждалъ приѣзда одного чина, котораго считалъ религіознымъ человѣкомъ; къ тому же онъ носилъ значокъ археологическаго института. Вотъ кого мнѣ удастся заинтересовать моею церковкой, вотъ съ кѣмъ пріятно будетъ пройти туда, осмотрѣть вмѣстѣ, подѣлиться настроеніемъ, а можетъ быть и поучиться у него кое-чему какъ у археолога! Увы, я раскаялся въ своемъ легковѣрїи.

Пока мы смотрѣли, обходя церковь снаружи, все шло по-хорошему, но надо было зайти внутрь. Для этого слѣдовало прибѣгнуть къ услугамъ сторожихи, очень доброй и обязательной крестьянки-солдатки, у которой были ключи и которая раньше впускала меня туда. Обязательность, разумѣется,—не синонимъ обязанности, а между тѣмъ мой полковникъ, не давая себѣ труда разбираться въ такихъ тонкостяхъ, сразу же повелъ себя совершеннымъ хозяиномъ въ чужой церкви. И добро бы еще только хозяиномъ, а то какимъ-то ревизоромъ, судебнымъ слѣдователемъ.

Всѣ интересы—религіозный, историческій, археологическій—поглотились сыскомъ латинизаціи. Храмъ былъ когда-то православнымъ, а теперь въ немъ служилъ униатскій священникъ, котораго къ тому же простодушная сторожиха имѣла неосторожность назвать ксендзомъ.

— Какъ, какъ ты сказала? А, ксендзъ, такъ у васъ ксендзъ? Вотъ видите, вотъ видите, — обращался онъ ко мнѣ. — Такъ какой же ты вѣры-то?—допрашивалъ оробѣвшую бабу полковникъ.

— Мы... вашей вѣры,—несмѣло отвѣтила сторожиха.

— Нашей вѣры! Очень хорошо! Какой же это нашей?

— Руськой,—пролепетала баба блѣдными губами.

— Руськой! Слышите? Вѣры руськой, а ксендзъ!

И т. д.

Баба, вначалѣ такая разговорчивая, съ открытымъ сердцемъ и лаской въ голосѣ, постепенно какъ-то замирала, рѣшительно не понимая, чѣмъ собственно она провинилась и за что ее такъ строго тянутъ къ отвѣту, и, наконецъ, совсѣмъ умолкла, превратилась въ статую, стоя босыми ногами на каменномъ полу у дверей.

А полковникъ ходилъ по всѣмъ угламъ церкви, рылся въ богослужебныхъ книгахъ и, найдя и тамъ что-то криминальное, тыкалъ пальцемъ въ страницы и, поворачиваясь ко мнѣ, бурчалъ:

— Вотъ видите, вотъ видите! И тутъ...

Потомъ пошелъ въ алтарь,—только что не въ царскія двери,—перебиралъ тамъ руками священныя облаченія, разсматривалъ зоркимъ окомъ утварь и всѣ предметы, былъ тамъ что-то ужасно долго, такъ что я усталъ ждать, да и тяжело было со стороны присутствовать при всемъ этомъ, я вышелъ вонъ изъ церкви, рѣшивъ подождать немилостиваго своего спутника въ церковной оградѣ.

Онъ, наконецъ, вышелъ, не только, разумѣется, не поблагодаривъ ни однимъ словомъ сторожиху, но и не кивнулъ въ ея сторону на прощанье.

Я проклиналъ свою напвность; я думалъ, что этотъ дѣйствительно вѣрующій, каждый день молящійся передъ своею иконой человѣкъ, войдя въ древній храмъ съ сердцемъ христіанина и съ чуткостью какого ни на есть любителя исторической старины, ощутитъ прежде всего благоговѣнное настроеніе, союзъ Бога съ людьми на землѣ, а онъ—распекаетъ оторвавшуюся ради него же отъ своего дѣла женщину, повинную только въ томъ, что она слѣдуетъ вѣрѣ своихъ отцовъ и дѣдовъ, вламывается безъ приглашенія въ св. алтарь, въ чемъ-то тамъ копается, ищетъ, къ чему придраться, и, обревизовавъ неизвѣстно по чьему уполномочію домъ Божій, точно канцелярію или солдатскую швальню, выходитъ оттуда съ видомъ оберъ-полицеймейстера, исполнившаго служебную обязанность.

И этотъ человѣкъ еще считаетъ себя не только религіознымъ, но и воспитаннымъ!

Не знаю, стоитъ ли приводить для характеристики религіозности того же чина еще одинъ эпизодъ. Слишкомъ ужъ онъ можетъ показаться анекдотическимъ. Какъ-то зимой, къ концу февраля этого года, у него довольно серьезно разстроился кишечникъ, и докторъ предписалъ ему строжайшую діету. Бѣднякъ принужденъ былъ питаться какою-то одной не то овсянкой, не то рисовой кашницей.

— Вотъ какъ у васъ вышло,—замѣтилъ я,—вашъ постъ пришелся какъ разъ на крестопоклонную недѣлю.

— Ахъ, вѣдь и въ самомъ дѣлѣ! А я и забылъ, что уже четвертая недѣля поста сейчасъ. Какъ я радъ! Какъ я радъ!

Старичокъ совсѣмъ не замѣтилъ моей шутки и искренно радовался счастливому совпаденію.

Ну, развѣ это не прелесть? Такъ радоваться, что врачебная діета оказалась на пользу не только толстымъ кишкамъ, но и душѣ.

Какъ не вспомнить дѣтей изъ „Мужиковъ“ Чехова, которыя въ

постный день потихоньку плеснули капельку молока въ чашку злой бабкѣ и были вполне увѣрены, что теперь, оскорбившись, она ужь непременно попадетъ въ адъ?

VI.

Нѣсколько словъ еще объ инославныхъ культахъ и религіозности.

Мы много ходили по мѣстностямъ съ католическимъ населеніемъ, и я, любя съ дѣтства церковную музыку и храмовое настроеніе, часто слушалъ воскресныя мессы въ костелахъ. Среди молящихся обыкновенно въ заднихъ рядахъ, гдѣ нѣтъ скамей, всегда можно было видѣть нашихъ солдатиковъ-поляковъ и не мало. Принимая въ расчетъ, что сравнительно съ православными процентъ католиковъ въ арміи не великъ, надо думать, что влеченіе ихъ къ костелу нѣсколько выше нашего влеченія къ церкви.

Впрочемъ, я не поручусь, что часть посѣтителей костела не состояла изъ православныхъ. Солдаты наши—не одержимы духомъ нетерпимой ортодоксіи, и если еще о католическихъ костелахъ я не могу утверждать съ полной увѣренностью, то о храмахъ уніатскихъ говорю съ ручательствомъ: несмотря на тягучую монотонность уніатскаго (греко-католическаго) богослуженія и значительныя всетаки отличія его отъ привычнаго русскаго служенія въ церкви, православные солдаты ходятъ туда, какъ въ свою церковь, прикладываются къ образамъ, къ Евангелію и кресту и молятся, какъ у себя.

Припоминаю еще храмъ въ одномъ селеніи Восточной Пруссіи, когда-то польской Мазовіи: по сохранившемуся надпрестольному иконостасу и по скульптурѣ святыхъ это, несомнѣнно, былъ когда-то католическій костель, превращенный затѣмъ въ лютеранскую кирку; а когда я былъ тамъ, во время занятія нашими войсками этой территоріи, въ немъ поставленъ былъ квадратный православный престоль, и русскій полковой священникъ совершалъ предъ нимъ литургію Іоанна Златоуста. Характерно и трогательно какъ-то особенно то, что протестанты не разрушили, а только приспособили католическую декоративность алтаря для своего культа, а православные вовсе ничего не тронули въ этомъ храмѣ, установивъ свой переносный походный престоль ближе къ серединѣ, подъ алтарнымъ возвышеніемъ. И Распятіе надъ алтаремъ, и образъ Пресвятой Дѣвы, и статуи апостоловъ внимали молитвамъ разноплеменныхъ и разнославныхъ толпъ, склонявшихся передъ ними.

Этотъ гостепріимный сельскій храмъ у одного изъ Мазурскихъ озеръ сохранился у меня въ памяти, какъ нѣкій символъ. Остается еще добавить, что въ оградѣ его на-ряду со старыми могилами лютеранъ и, вѣроятно, католиковъ нашли мѣсто упокоенія и наши павшіе воины.

Возвращаюсь къ впечатлѣніямъ, вынесеннымъ изъ Галиціи. Можно доказывать, что уніатство занимаетъ какое-то промежуточное, не самостоятельное положеніе, что историческіе корни его ближе къ православію, чѣмъ къ латинству, но кто бывалъ на уніатскомъ богослуженіи, не можетъ не признать одного, что оно проходитъ при дѣйствительно религіозномъ настроеніи, какое дай Богъ всякой другой церкви, и поддерживается это главнымъ образомъ непосредственнымъ участіемъ въ немъ самихъ молящихся: они все время поютъ сами (оттого, можетъ быть, съ чисто-музыкальной точки зрѣнія напѣвы и поражаютъ однообразиемъ, монотонностью, нельзя справиться со сложнымъ мотивомъ въ толпѣ); дѣвушки выходятъ на средину храма съ хоругвями-знаменами; юноши въ извѣстные моменты становятся предъ алтаремъ со свѣчами и т. д. Есть много нѣжности и изящества въ приношеніи цвѣтовъ на алтарь. Даже простыя деревенскія дѣвушки, часто босоногія (въ Галиціи не стыдятся босыхъ ногъ, какъ у насъ, гдѣ въ церковь ходятъ босыми развѣ только нищіе), приносятъ простенькіе букетики съ своихъ огородовъ или съ полей и—о, ужасъ!—сами кладутъ ихъ на край престола, а понамарь, выбравъ изъ нихъ лучшіе, ставятъ въ сосудахъ съ водою въ рядъ съ на престольными свѣчами у дарохранительницы.

Особенно запомнился мнѣ одинъ молодой еще совѣтъ уніатскій священникъ, котораго я видѣлъ за пасхальной службой въ г. Сокаль: съ какой вдумчиво-серьезной простотою онъ стоялъ у алтаря, какъ любовно наклонялся къ каждому ребенку, давая ему поцѣловать крестъ, не спѣша, не выражая никакого нетерпѣнія, хотя это было послѣ долгой, утомительной вечерни (у уніатовъ и пасхальное богослуженіе тягуче, съ долгимъ стояніемъ на колѣняхъ).

Во Львовѣ православное духовенство сразу заняло одинъ изъ большихъ центральныхъ уніатскихъ храмовъ. Я былъ тамъ въ Духовъ день. Наканунѣ, на Троицу, въ немъ служилъ самъ арх. Евлогій. Я не слышалъ на службѣ арх. Евлогія, а былъ за обѣдней, которую совершалъ какой-то молодой, высокій, стильно носившій глубоко-сидящую на головѣ митру архимандритъ. Послѣ обѣдни въ сослуженіи четырехъ священниковъ онъ вышелъ на средину церкви. И вотъ во время молебна св. Мееодію и Кириллу, я къ удивленію своему увидѣлъ выходящаго изъ алтаря уніатскаго священника, несшаго въ рукахъ св. дары. Онъ скромно, какъ будто стараясь быть незамѣченнымъ, сторонкой шелъ въ одинъ изъ боковыхъ заднихъ придѣловъ-алтарей; но такъ какъ середина церкви была пустовата, то онъ всетаки оказался на виду; архимандритъ не счелъ удобнымъ игнорировать это шествіе и, осѣнивъ себя крестомъ, сдѣлалъ легкій поклонъ въ сторону несомой святыни, а уніатъ-священникъ, освободивъ одну руку, приподнялъ въ знакъ почтенія архимандриту свою шапочку.

Эта мимическая сцена, эта одноминутная мимодрама, какъ молніей, освѣтила мнѣ всю суть, всю психику взаимоотношеній. Въ центрѣ храма предъ главнымъ алтаремъ громко воспѣвали; высоко заносился подъ куполь рѣзкій тенорокъ дьякона, подхватывали чеканно гѣвчіе: „Святіи равноапостольные Меоодіе и Кирилле, молитѣ Бога о насъ“.

А въ заднемъ углу виолголоса, почти шопотомъ у маленькаго престола отправлялъ свою службу священникъ-уніатъ, и одно лишь могло быть ему утѣшеніемъ: толпа молящихся вокругъ него была и гуще и благоговѣйнѣе.

VI.

Нѣсколько дополнительныхъ штриховъ изъ моихъ наблюденій и воспоминаній. Невдалекѣ отъ насъ, когда мы были на Карпатахъ, были ранены одинъ за другимъ два полковыхъ священника, въ условіяхъ героическихъ: одинъ шелъ со св. дарами отъ окоповъ къ окопамъ причастить больнаго и тяжело раненъ при этомъ; другой, замѣстившій его, передъ боемъ заявилъ, что будетъ работать съ санитарями, но, когда началась атака, оказался впереди вмѣстѣ съ однимъ юнымъ прапорщикомъ, командовавшимъ ротой; прапорщикъ тотчасъ былъ убитъ, священника вынесли раненаго. Мнѣ лично принятіе на себя священниками боевой роли, роли командира, влекущаго за собою воинскую часть, кажется неправильнымъ пониманіемъ пастырскаго долга, и такіе случаи меня не приводятъ въ восторгъ,—священникъ все же не поручикъ и не капитанъ,—но само собою разумѣется, что въ самоотверженіи, въ личномъ героизмѣ тутъ отказать нельзя...

Мнѣ однажды непосредственно послѣ боя въ занятыхъ нами германскихъ окопахъ среди обезображенныхъ труповъ германцевъ пришлось поднять новенькую еще порядочнаго размѣра олеографію съ изображеніемъ, повидимому, св. великомученицы Варвары. Тогда у меня какъ-то содрогнулось сердце, и невольно зашевелилось: вотъ и врагъ нашъ, можетъ быть, и тевтонъ, и что хотите, а донесъ за сотни верстъ до послѣдняго окопа—и какъ бережно, въ какомъ аккуратномъ видѣ—чтимую святую. Еще сегодня за часъ, быть можетъ, до смерти взиралъ на нее умиленнымъ, полными надежды глазами, вонъ тѣмъ вывороченнымъ теперь наружу изъ расколотаго черепа огромнымъ глазомъ...

Олеографію эту я взялъ и сохраняю у себя на память.

VIII.

Я исчерпалъ почти свой небольшой запасъ наблюденій въ заинтересовавшей меня области. Были болѣе мелкія, но о нихъ говорить уже не стоитъ. Въ заключеніе—одна только еще картинка.

Было сыро и дулъ рѣзкій холодный вѣтеръ. Мы совершали тяжелый долгій переходъ по холмистой мѣстности. Дороги раскисли отъ дождей. Колеса лафетовъ нашихъ тяжелыхъ пушекъ и зарядныхъ ящиковъ вязли и густо накатывались грязью. Шли медленно, часто останавливались. Особенно трудны были переправы черезъ рѣчки по шаткимъ деревяннымъ мостамъ, которые тутъ же надо было и укрѣплять, класть новый настилъ, задерживая всю кишку артиллерійскаго обоза. Ъздовые подхлестывали выносныхъ лошадей и кричали на нихъ; командиры кричали на ѣздовыхъ, ругались, какъ только могли, и, случалось, тоже подхлестывали. Люди устали и, безъ обѣденнаго приварка, были голодны. На одной, особенно долгой переправѣ я въ ожиданіи слѣзъ съ лошади и стоялъ возлѣ дороги на плантаціи, съ которой недавно сняли кормовые бураки (свеклу); поднявъ валяющуюся забытую кочерыжку, я обчистилъ ее карманнымъ ножикомъ и жевалъ мелкими кусочками, наслаждаясь сочностью древесины. Оглянулся и вижу: возлѣ меня стоитъ нашъ докторъ и смотритъ мнѣ въ ротъ жадными, голодными глазами.

— Хотите?

— Дайте, пожалуйста!

Онъ съѣлъ отрѣзанный мною кусочекъ, посмотрѣлъ на меня все тѣмъ же взглядомъ, выразившимъ животный голодъ, и говорить:

— Можетъ быть, еще дадите?

Если ужъ мы были доведены до такого состоянія, что съ алчностью ѣли кормовой скотскій корнеплодъ, можно себѣ представить, какъ не легко было въ ту пору солдатамъ, которые не всѣ ѣхали, но и шли и еще работали, помогали движенію обоза, помогали лошадямъ.

И вотъ въ такой обстановкѣ, въ такой трудный день, мое вниманіе привлекъ на себя одинъ смуглый молодой солдатъ: онъ былъ при орудіи и шелъ вплотную, между переднимъ и заднимъ колесомъ съ правой стороны. Очевидно, это былъ „номеръ“ (орудійная прислуга, какъ извѣстно, называется „номерами“—№ 1-й, № 2-й и т. д., при чемъ каждый знаетъ свою опредѣленную функцію при стрѣльбѣ). Двигались мы въ тотъ моментъ тихо. Не было бы ничего удивительнаго, ничего особеннаго въ этой фигурѣ, если бы, присмотрѣвшись, я не замѣтилъ въ одной его рукѣ маленькой, совсѣмъ крошечной книжечки, которую онъ на-ходу читалъ. Видъ у солдата былъ очень сосредоточенный, серьезный. Меня это такъ заинтересовало, что я не могъ сдержатъ любопытства и, какъ бы случайно пропустивъ свою лошадь мимо орудія, заглянулъ поближе съ сѣдла; книжечка была написана древне-еврейскимъ шрифтомъ, видимо, еврейскій молитвенникъ.

Итакъ, этотъ солдатъ-еврей молился. Дѣло было въ осеннемъ мѣсяцѣ и, быть можетъ, въ тотъ день былъ одинъ изъ большихъ годовыхъ еврейскихъ праздниковъ.

Что-то сверкнуло у меня въ мозгу, какое-то воспоминаніе, какое-то сопоставленіе, издавна запечатлѣвшееся въ душѣ:

Да вѣдь это—„Свѣчка“.

Та самая толстовская свѣчка, которую въ его маленькомъ, но гениальномъ разсказѣ этого имени зажегъ крѣпостной мужикъ Петръ, выѣзжая на барщину въ пасхальный день: прилѣпилъ ее къ сохѣ, шель за сохой, пахаль и пѣлъ стихи воскресные.

Не то ли же самое тутъ? годовой праздникъ, необходимая, обязательная работа, молитва на-ходу, не отступая шагу отъ орудія. Только орудіе здѣсь другое, не земледѣльческое, не соха, а страшная, убійственная гаубица.

И самъ онъ не сельскій пахарь, а артиллерійскій номеръ.

Артиллерія то двигалась, то останавливалась; вмѣстѣ съ нею и молодой солдатъ-еврей, инстинктивно лавируя между переднимъ и заднимъ колесомъ, между заряднымъ ящикомъ на передкѣ и орудіемъ сзади, то шель, мѣся сапогами липкую грязь, то задерживался. Иногда лишь вскидывалъ онъ отъ страницъ молитвенника свои черные южные глаза, чтобы оглянуться, все ли въ порядкѣ вокругъ него и можно ли продолжать молитву, ничего не нарушая.

Никто, къ счастью, не мѣшалъ ему, никто не придрался, а вѣдь могло и нагорѣть отъ какого-нибудь взводнаго подъ сердитую руку: всѣ были заняты собою и своимъ дѣломъ. И, можетъ быть, никто не замѣтилъ даже, кромѣ меня, въ его рукѣ маленькой, чуть не въ спичечную коробку, священной книжечки.

Приметь Адонаи, Богъ Израиля, эту молитву.

А. Н.